

ОЧАГИ ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА НА ГОРОДИЩЕ ДЖАНКЕНТ

Важнейшим компонентом любого древнего и средневекового жилища является очаг. Основными утилитарными функциями очага являются приготовление на нем пищи и отопление жилища. Именно они во многом и определяют его строение. В то же время с древнейших времен огонь воспринимался человеком как некая магическая субстанция. Культ огня в том или ином виде присутствует практически у всех народов. Наиболее полно идея обожествления огня получила в зороастризме, главным объектом поклонения которого являются священные огни, возжигаемые в храмах. Народы не связанные с этой религией также приписывали огню сакральные свойства и использовали его в различных обрядах. В качестве наиболее известных примеров можно вспомнить подробно описанный ибн Фадланом обряд перехода в иной мир путем сожжения умершего и сопровождающих его людей и животных у русов и обряд очищения огнем у монголов, известный из записок Плано Карпини (Путешествие..., 1939 с. 81-83; Карпини, 1997, с. 36). Соответственно место, в котором горит огонь, то есть очаг, также являлся сакральным местом в жилище. Исследованию сакрального восприятия огня и очага в жилище различных народов посвящены многочисленные работы (Байбурин, 1983; Банзаров, 1955; Галданова, 1976; Дыренкова, 1927; Жуковская, 1988; Сагалаев, 1989 и др.). Эта проблема на материалах изучения раннесредневековых поселенческих памятников Казахстана рассматривается и в ряде работ Е.А. Смагулова (Смагулов, 1992; 2004; 2011). Интересные данные об устройстве и оформлении средневековых очагов были получены в результате раскопок жилого квартала на городище Джанкент в Казалинском районе Кызылординской области.

Одним из результатов работ совместной экспедиции Кызылординского Государственного университета им. Коркыт-Ата, Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН и Института археологии им. А.Х.Маргулана МОН РК явилось исследование жилой застройки северо-восточной части городища. В 2005-2009 гг. здесь была раскопана часть жилого комплекса, относящегося к самому позднему периоду существования городища. По монетному материалу он датируется 50-60-ми гг. X в. Результаты раскопок этого объекта были опубликованы (Зиливинская, Билялов, Сыдыкова, 2011; Зиливинская 2011), поэтому можно привести его краткое описание.

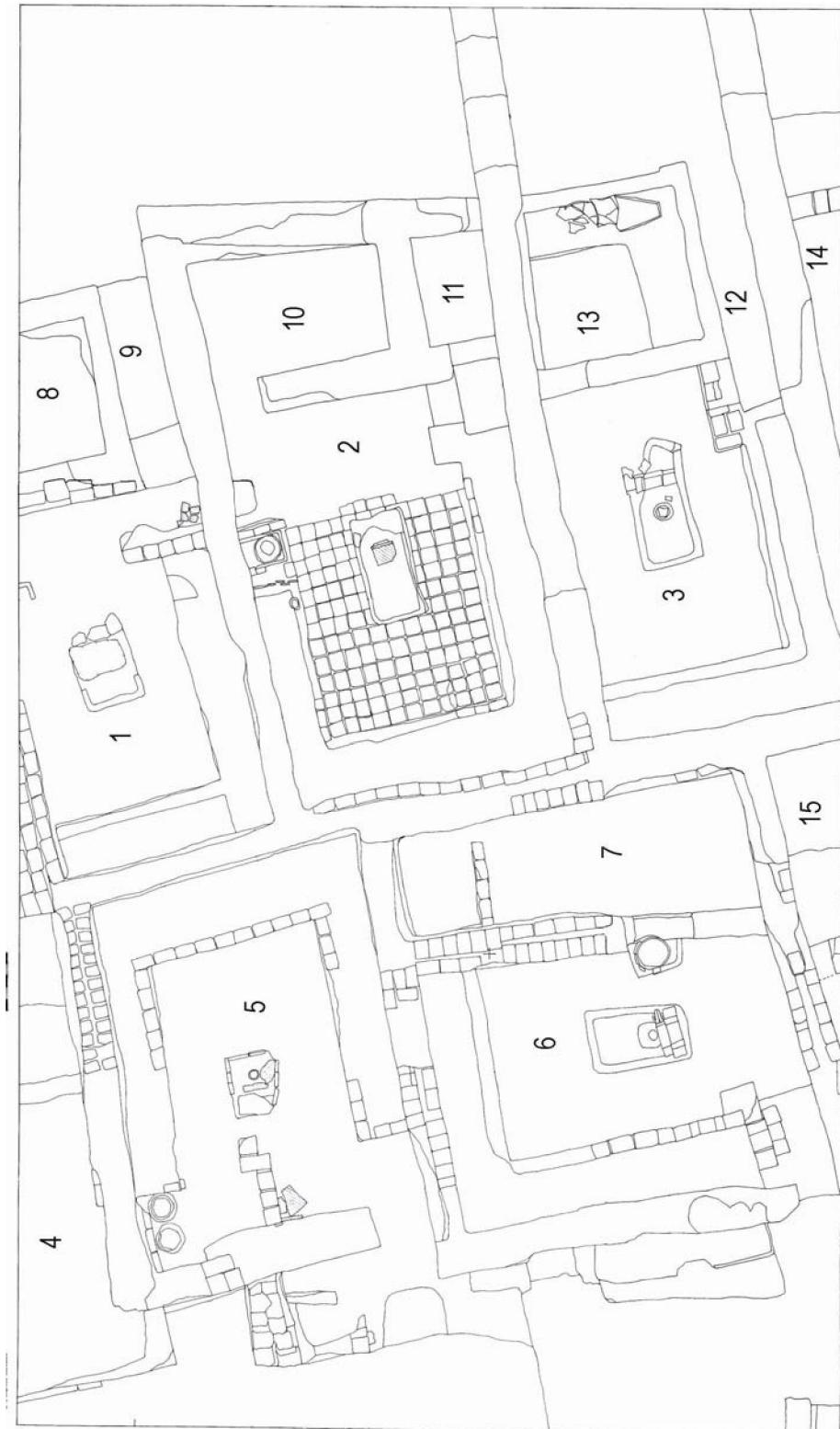

Рис. 1. Джанкент, жилой комплекс в северо-восточной части. Общий план

Стены постройки были сложены из сырцового кирпича, размеры которого составляли 32-34 x 22-23 x 6 см. Капитальные стены имели толщину от 60-65 см до 80-85 см, внутренние перегородки – 35-50 см. Большая часть помещений имела плоское перекрытие из деревянных жердей на которые были положены вязанки камыша. Сверху и снизу эта камышовая крыша была обмазана глиной. Остатки сгоревших перекрытий в виде деревянных жердей и глиняных блоков с отпечатками стеблей камыша, собранных в пучки, были найдены в большинстве комнат на полу, под завалами сырцовых стен.

Здание было почти точно ориентировано по сторонам света (рис. 1). Оно имело вытянутую в меридиональном направлении форму. Ширина его составляла около 18 м, длина неизвестна, но очевидно, что она была не менее 30 м. Планировка постройки довольно простая, но, в тоже время очень четкая и регулярная. Меридиональная стена делит ее на две части шириной 6,5 – 7,5 м – западная и 10-10,5 м – восточная. Каждая часть состоит из ряда пристроенных друг к другу стандартных секций, внутренняя планировка которых почти идентична и различается лишь в деталях. Секции восточной стороны состоят из прямоугольных в плане жилых помещений длиной 6,0 – 6,4 м и шириной 3,7–4,6 м, которые скользящим вдоль южной стены проходом через узкий коридор соединяются с улицей или двором. Другой проход, скользящий вдоль северной стены, соединяет комнату с небольшим хозяйственным помещением, которое пристроено к восточной стене. В настоящее время полностью вскрыто три такие секции. С западной стороны исследованной части находились две жилые секции, которые соединялись с двором скользящими проходами вдоль южной стены. Размеры этих комнат 6,0 х 4,4-4,6 м. Западные помещения отличает от восточных отсутствие дополнительных кладовок. Здесь вместо хозяйственных помещений снаружи к западным стенам были пристроены суфы.

Интерьер всех комнат был достаточно единообразным и отличался лишь в деталях. Основными его элементами являлись Г-образные или П-образные суфы и открытые очаги, расположенные в центре помещений. В помещении 5 в западной части здания в полу было сделано, выложенное фигурно кирпичом тошнау, а в помещении 6, кроме открытого очага находился тандыр.

Очаги во всех помещениях однотипны, они представляли собой прямоугольные открытые площадки, ограниченные со всех сторон невысокими бортиками, сделанными из половинок, разрезанных вдоль сырцов. Подобные очаги в виде открытых площадок различной формы с бортиками известны в Средней Азии и Хорезме с последних веков до нашей эры и получили широкое распространение в средневековье (Воронина, 1963, с. 87-92; Неразик, 1966, с. 75). Большой частью такие очаги служили для отопления жилища, но в некоторых случаях отчетливо прослеживается использование их в качестве домашних святилищ (Вишневская, Рапогорт, 1979). Детали очагов Джанкента достаточно интересны, поэтому их можно рассмотреть подробно в отдельной публикации.

Очаг помещения 1 имел размеры 1,5 x 1,0 м и был вытянут по оси З-В (рис. 2.1). Он был ограничен бортиком высотой 10 см из поставленных на торец сырцовых кирпичей покрытых глиняной обмазкой в несколько слоев. Восточный край его не имел бортика, и здесь сырцовые кирпичи положены плоско в одну линию. Перед этой кладкой была сделана яма прямоугольной формы размерами 80 x 60 см и глубиной 25 см. На дне ямы стоял керамический сосуд (рис. 4.1) с широким, сильно отогнутым венчиком (тувак). Яма, а также сосуд были заполнены золой. Еще один небольшой очажок находился в северо-восточном углу комнаты, однако в раскоп он вошел лишь небольшой частью, поэтому о его строении сказать ничего нельзя.

В помещении 2 по центру находился очаг прямоугольной формы (рис. 2.2).. Он был вытянут в широтном направлении, и имел размеры 180 x 90 см. Западная, северная и южная его стенки сложены из сырцовых кирпичей, поставленных на торец и обмазанных глиной. Восточная стенка очага сделана из кирпичей, положенных плашмя. Внутри этого пространства, ближе к его восточной стенке, находилась площадка из прокаленной до красного цвета глины. Размеры ее 40 x 40 см.

В центре пола помещения 3 расположен прямоугольный открытый очаг размерами 2,05 x 0,9-1,0 м, вытянутый в широтном направлении (рис. 2.3).. Он имел довольно интересную конструкцию. Бортики его сделаны из поставленных на торец сырцов и оштукатурены глиной. В 1,2 м от западной стенки очага на дне его плоско положены сырцовые кирпичи, которые образуют перемычку шириной 20 см. На северном конце ее находился сырцовый кирпич, поставленный вертикально, с небольшим наклоном к наружному краю печи. Такой же кирпич был поставлен у южного конца стенки, но он не сохранился. Вместе они, вероятно, составляли подставку для установки котла или другого сосуда над огнем. К востоку от этой стенки, у ее северного конца, сохранилась часть оформления очага. Здесь были плоско положены две фигурные детали из сырца, которые представляли своего рода трилистники, средний больший лист которых имел округло-заостренную форму, а два боковых были округлыми. Фигурной частью детали были обращены к востоку. Южный конец стенки не имел такого декора. В этой части загородка образовывала как бы еще одну камеру очага, размерами 45 x 45 см. К западу от стенки с подставкой в дно очага был смонтирован венчик хумчи диаметром 30 см.

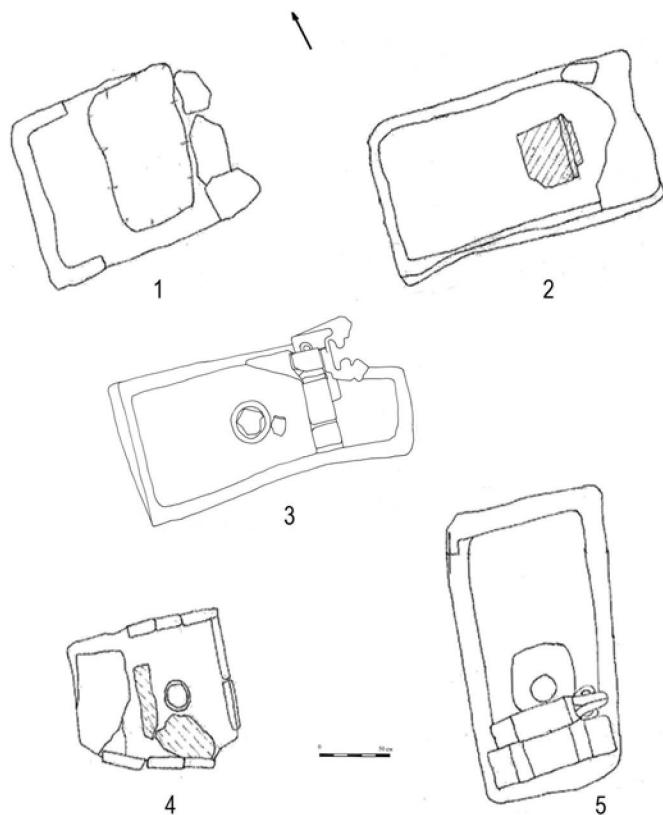

Рис.2. Очаги жилого комплекса: 1- в пом. 1; 2 – в пом. 2; 3 – в пом. 3; 4 – в пом. 5; 5 – в пом. 6.

Очаг помещения 5 (западная половина здания) был самым маленьким (рис. 2.4).. Его размеры составляли 1,0 м x 0,85-0,9 м. Он вытянут по оси запад-восток. Очаг имел конструкцию, аналогичную очагам в других помещениях данного жилого комплекса. Пространство его ограничено сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро. В центре очага вкопан сосуд, заполненный золой. Диаметр горла сосуда – 20 см. Вплотную к нему с западной стороны стояло основание (средняя часть) керамической подставки. Длина ее составляла 27 см, ширина – 7,7 см. Так как тесто изделия было рыхлым, а обжиг плохой, подставка сильно раскрошилась. Еще один фрагмент этой подставки (голова и часть шеи барана) был найден в западной части помещения. «Голова» была сделана из двух плоских, сужающихся к одному концу, глиняных жгутов. Широкий конец их образовывал стилизованный горбоносую морду животного, а узкий конец был спирально закручен для имитации рогов. Таким образом, получалась круглая (диаметром 10 см), уплощенная с боков «голова». Поверхность подставки была покрыта сложным прочерченным орнаментом, состоящим из треугольников, спиральных завитков и вдавлений, сделанными треугольной в сечении палочкой (рис. 3.1).

Лучше всего сохранился очаг в помещении 6, расположеннем в западной части комплекса. Большая часть его деталей сохранилась в не разрушенном состоянии, поэтому строение очага из помещения 6 важно для реконструкции других очагов. Он имел такую же конструкцию, как и в других комнатах: узкий бортик окружал пространство пола размерами 1,7 x 1,1 м (рис. 2.5).. Очаг был вытянут в меридиональном направлении. Почти вплотную к южной стенке очага была сделана подставка из сырцовых кирпичей. На ряд сырцов, положенных плоско на расстоянии 40 см друг от друга два кирпича были поставлены вертикально с небольшим наклоном наружу. С северной стороны вплотную к этой конструкции была приставлена керамическая «очажная подставка» в виде стилизованного изображения барана с двумя головами. Одна голова барана была отбита и лежала рядом (рис. 5-7).

Средняя часть фигурки представляла собой бруск прямоугольного сечения длиной 48 см, высотой 13,5 см и шириной 12 см (рис. 3.2). На концах бруска находились пирамидально сужающиеся выступы, образующие «шеи» баранов, увенчанные «головами». «Головы» были сделаны из двух плоских, сужающихся к одному концу, глиняных жгутов. Широкий конец их образовывал стилизованный горбоносую морду животного, а узкий конец был спирально закручен и образовывал рога. Круглые, уплощенные с боков головы имели диаметр 13,5 см. На верху «головы» был сделан невысокий (0,6 см

высотой) квадратный в плане (1,5 x 1,5 см) выступ. Общая высота подставки составляла 40,5 см. Поверхность этой фигурки покрыта оттиснутым орнаментом в виде геометрических узоров и растительных побегов. «Головы» с боков и сверху были покрыты зигзагообразным орнаментом, состоящим из чередующихся треугольников. Полоса такого же орнамента шла с двух сторон по краю боковых частей подставки, образующих «шею» и «спину» животного. Пространство между этими полосами с разных сторон было заполнено различным орнаментом. На стороне, которая была прислонена к сырцовой подставке и сохранилась лучше, поверхность была покрыта спирально закрученными завитками, возможно, изображающими растительные побеги. На лицевой стороне фигурки, обращенной в сторону помещения и сильно поврежденной, плоскость была покрыта чередующимися треугольниками, в которые были вписаны трехлепестковые розетки. На задних сторонах «шеи» между двумя полосами зигзагообразного орнамента были изображены четырехлепестковые розетки. Примерно так же были орнаментированы «шеи» животных со стороны условной морды, но там розетки были заполнены более сложным узором, а сверху над ними шла дополнительная полоса из ромбов, чередующихся с треугольниками. Перед фигуркой барана в глиnobитном полу очага находится полностью заглубленный в пол сосуд. Снаружи был виден только его венчик диаметром 20 см. Венчик сосуда и пространство вокруг него было прокалено до красного цвета. Внутри сосуда находилась спекшаяся зола.

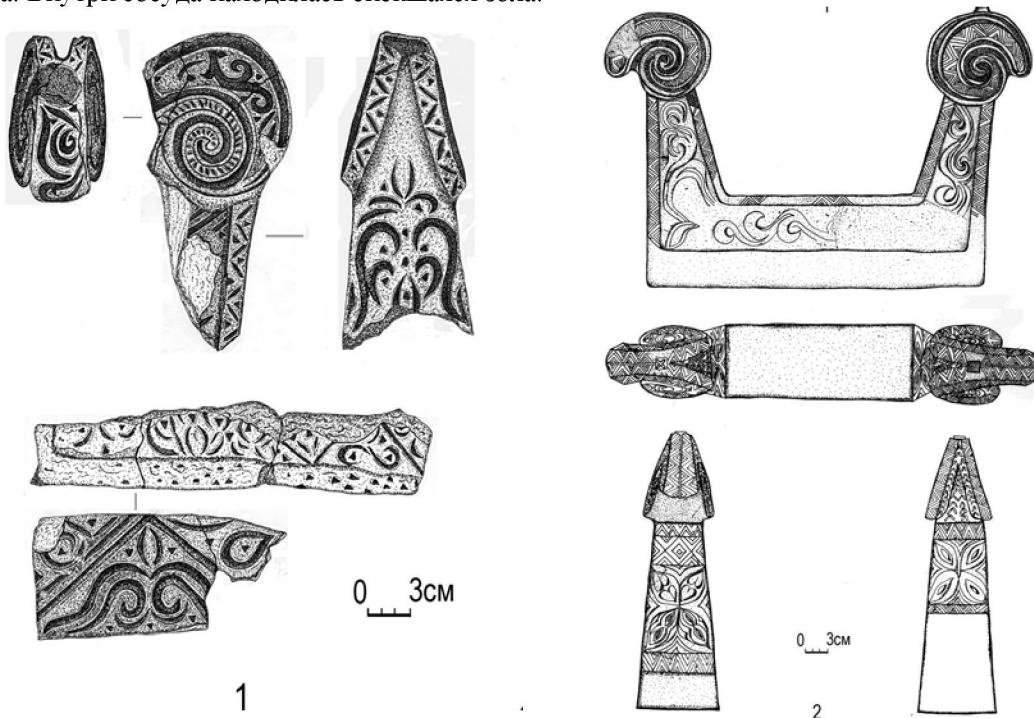

Рис. 3. Очажные подставки: 1 – из помещения 5; 2 – из помещения 6.

Анализ очагов из всех помещений жилого комплекса, а особенно наиболее сохранившихся в помещениях 3 и 6, позволяет полностью реконструировать их строение и сделать некоторые выводы о назначении отдельных элементов. Все очаги представляют собой прямоугольную площадку, окруженную невысоким (10-12 см) бортиком, сделанным из поставленных на ребро половинок сырцовых кирпичей, которые сверху были покрыты слоем глиняной обмазки. Размеры очагов различны, но все они расположены в центре пола помещений и ориентированы длинной осью вдоль оси комнаты. Площадь очага разделена на две примерно равные зоны. Все конструктивные элементы очага находятся в зоне, ближней к внешней стене комнаты. У бортика узкой стороны очага находится конструкция из двух сырцовых кирпичей, поставленных вертикально на торец узкой стороны, с небольшим наклоном наружу. Плоскость кирпичей вплотную примыкает к бортикам длинных сторон очага, а основание укрепленоложенными плоско на дно очага сырцами. Таким образом, получается подставка, боковые стенки которой имеют высоту 32-34 см, а ширина пространства между ними составляет около 40 см. Вплотную к этой конструкции поставлена керамическая очажная подставка с протомами баранов. При этом ее нижняя часть примыкает к сырцам, положенным плашмя, а шеи и

головы баранов прислонены к вертикально стоящим кирпичам. Перед этой подставкой в дно очага вкопан сосуд таким образом, что над поверхностью находится край его венчика. Форма сосуда не регламентирована, он может быть любым. Сам сосуд и пространство вокруг него несет сильные следы прокалленности. Вторая, ближняя к сухе, зона очага пустая и не содержит никаких конструкций.

Можно представить, каким образом использовался такой очаг. Наиболее интересной частью его является керамическая фигура, которая в литературе получила название «очажной подставки» или «шашлычницы». Этим изделиям, фрагменты которых во множестве находили на различных раннесредневековых памятниках, посвящена обширная литература. Тем не менее, как отмечает Е.А. Смагулов, только на городище Джанкент они впервые были найдены *in situ* (Ахатов, Смагулов, 2008, с. 218, 219; 2009, с. 213; Смагулов, 2011, с. 219, рис. 22). Однако, неоднократно опубликованный очаг с подобной подставкой из раскопок цитадели Джанкента, приводится во всех работах отдельно, вне помещения. В жилом комплексе северо-восточной части городища очаги составляют часть интерьера и могут быть рассмотрены во взаимосвязи с остальными его элементами.

Подробный разбор различных гипотез о назначении и применении керамических «очажных подставок» приводится в работах Е.А. Смагулова (Смагулов, 1992; 2004; 2011, с. 219, 222), поэтому не имеет смысла подробно останавливаться на этом вопросе. Можно лишь кратко упомянуть, что существуют две основные точки зрения. Сторонники утилитарно-бытового использования данных предметов считают их подставками под котлы или вертела (Нильсен, 1959, с.73; Пугаченкова, 1986, с. 34-37; Левина, 1971, с.73; Брыкина, 1982, с. 80). Е.А.Смагулов пишет о том, что название «шашлычницы» вошло в литературу с легкой руки Г.В.Григорьева, впервые опубликовавшего эти предметы из раскопок в Каунчи-тепе (Смагулов, 2004, С. 90). Однако, в работе 1940 г. Г.В.Григорьев относит их к категории предметов культа (Григорьев, 1940, с. 23, 26-27), вероятно, иное определение присутствует в более поздних работах этого автора. Ю.Ф. Буряков, который также считается сторонником утилитарного применения «шашлычниц», пишет о том, что «каунчинские терракотовые поделки генетически связаны с восточным культовым искусством» (Буряков, 1986, с. 54).

Сторонники иной точки зрения считают эти изделия культовыми предметами, благодаря которым очаги в жилищах выполняли функции домашних алтарей (Кабанов, 1981, с. 31-32; Смагулов, 1992; 2004). Наиболее последовательно и аргументировано отстаивает эту точку зрения Е.А.Смагулов. Он совершенно верно отмечает, что хрупкость фигурок, сделанных из рыхлого теста с большим количеством шамота не позволяет ставить на них тяжелый котел, а небольшая высота «спинки» фигурок не годится для установки на ней вертела. Данные из раскопок Джанкента полностью подтверждают эти доводы. Так фигурка из помещения 6 была сделана из такого рыхлого теста, что его смог прогрызть суслик, устроивший в ней свою нору. В результате потребовалось довольно много усилий, чтобы сохранить фигурку целиком. Естественно, что никакую тяжесть она бы не выдержала. Подставками под вертела эти фигурки быть не могут еще и потому, что для вертела нужны две подставки, а в каждом очаге было всего по одной. Котлы или вертела, скорее всего, ставились на подставку из вертикально стоящих сырцов, а терракотовая фигурка действительно являлась своеобразным домашним алтарем или оберегом очага.

Вполне возможно, что такие алтари могли иметь различную форму. На том же раскопе был найден фрагмент керамического изделия, которое было изготовлено из такого же рыхлого теста с примесью шамота и покрыто слоем желтого ангоба (рис. 4.2). Изделие было приплощнутой сфероконической формы диаметром 12 см. Верхний сужающийся конец и нижний широкий – обломаны. Поверхность покрыта прочерченными спирально закрученными бороздками. Более всего этот фрагмент напоминает заостренное навершие цилиндрического или конического стержня, который, в свою очередь, мог быть высокой вертикальной частью «очажной подставки».

Изучение очагов Джанкента помогает объяснить и тот факт, что большинство найденных фигурок было обожжено только с одной стороны. Это отмечали многие исследователи (Нильсен, 1959, с.67-68; Смагулов, 1992, с. 41; 2004, с.93). Воздействию огня подвергалась только одна сторона «подставки», так как другая плотно прилегала к конструкции из сырцовых кирпичей.

Перед терраковыми фигурками с головами баранов во всех очагах находились заглубленные ниже уровня пола сосуды (в одном случае только венчик сосуда). Спекшаяся зола в них и прокаленное до красного цвета пространство свидетельствует о том, что туда, скорее всего, сгребались угли, оставшиеся от открытого огня, и таким образом тепло в помещении могло сохраняться дольше. Если принять версию о том, что «подставки» с бараньими головами являлись домашними алтарями, то можно предположить, что в сосуды с углами могли закладываться какие-то ароматические вещества, и в этом случае они использовались как курильницы. Данное предположение требует дополнительных

доказательств, однако, если сравнить жилые помещения Джанкента со склепами джетыасарской культуры, которые представляют собой модели жилища, оно кажется вполне логичным. В склепах второго типа по классификации Л.М. Левиной по периметру стен была сделана суфа, а в центре пола находился прямоугольный очаг с бортиками, а перед ним брусковидный алтарь с выступающими концами, оформленными в виде пирамидок, и курильница (Левина, 1993, с. 92; 1996, с. 88; Болелов, 1993). Возможно, в качестве курильницы использовался сосуд, найденный в очаге помещения 6 (рис. 4.3). Сосуд был сделан из рыхлого теста с примесью шамота и покрыт розовым ангобом. Внешняя поверхность его носит сильные следы закопченности. Тулово сосуда имело коническую, слегка раздутую форму. Устье находилось с широкой стороны, венчик, слегка выделен. В нижней части должен находиться поддон, который был отколот. Возможно, именно к этому сосуду относился поддон, найденный в этом помещении ранее. Высота сосуда около 35 см, диаметр устья 15 см, диаметр нижней части – 6 см. Толщина стенок – 2 см. Форма сосуда и структура его теста не позволяют видеть в нем бытовой предмет.

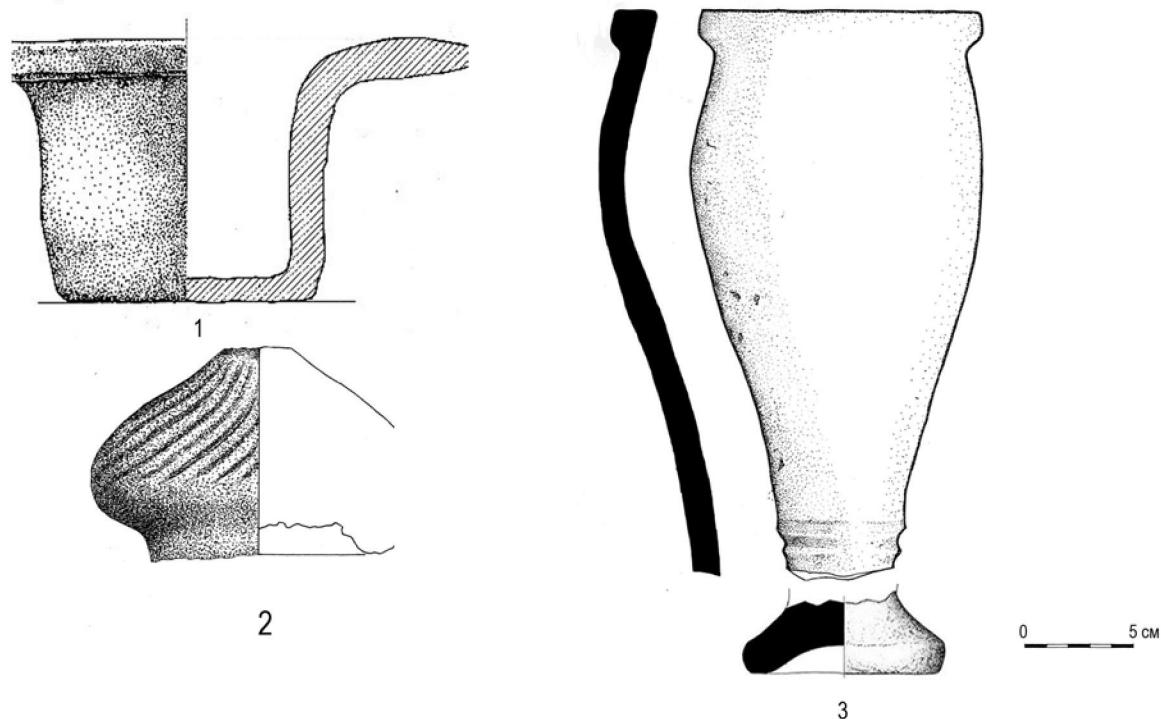

Рис. 4. Керамические изделия: 1 – тувак из очага пом. 1; 2 – навершие очажной подставки (?); 3 – курильница (?).

Вторая зона очага, свободная от каких-либо конструкций, использовалась, вероятно, для выгребания на нее углей и золы. Такие очаги в виде открытых площадок с горящими углями, вокруг которых грелись обитатели жилища, зафиксированы этнографически в различных районах Средней Азии (Воронина, 1950, с. 402; Писарчик, 1982, с. 72-73; Васильева, 1982, с. 207).

Особо следует рассмотреть декор узкой части бортика очага в помещении 4. Интересно, что оформление его выступами в виде трилистников и их половинок находится на стороне, обращенной к стене комнаты. В то же время все очаги обращены «лицом» к суфе. Именно на нее смотрит лицевая сторона «очажной» (алтарной) подставки, а приспособление для приготовления пищи находится за подставкой, то есть с «задней» стороны. Поэтому наиболее пышное оформление должна была бы иметь сторона очага, обращенная внутрь комнаты. Возможно, именно так был устроен очаг-алтарь, найденный на цитадели Джанкента (Ахатов, Смагулов, 2008, с. 218, 219; 2009, с. 213; Смагулов, 2011, с. 219, рис. 22). На опубликованной фотографии его видно, что фигуру двухголового барана вплотную примыкает к узкой стороне, имеющей выступы в виде двух трилистников в центре и двух половинок таких же фигур по бокам. Однако, отсутствие данных о связи этого очага с помещением, не позволяет сделать какие-либо выводы.

Рис. 5. Помещение 6, вид с ССЗ.

Рис. 6. Очажная подставка в очаге помещения 6 после реставрации.

Также интересно отметить, что при общем сходстве структуры всех очагов жилого комплекса Джанкента, культовые фигурки были найдены только в двух помещениях. В то же время в остальных очагах отчетливо прослеживается место, где они могли бы находиться. Как отмечает Е.А. Смагулов, в домусульманский период в городах и поселениях Средней Азии существовали не только храмовые комплексы, но и специальные общественные помещения, выполнявшие функции общинных или квартальных святилищ. Позднее, под давлением мусульманской религии все доисламские культуры были официально запрещены, и отправлять их стало возможно только в частном жилище (Смагулов, 2004, с.99-102). Этим объясняется наличие домашних алтарей (или места, где они были установлены) во всех секциях жилого комплекса.

Можно предположить, что жители Джанкента по какой-то причине покинули город в середине X в. Об этом свидетельствует очень небольшое количество бытовых находок, найденных при раскопках большого жилого квартала. Керамика большей частью представлена целыми хумами и их обломками, остальные керамические сосуды присутствуют в единичных экземплярах. Почти нет предметов из

меди и железа. Вполне возможно, что покидая жилища, жители забрали с собой все самое ценное, в том числе и культовые предметы. Алтари в помещениях 5 и 6 были оставлены потому, что они были разбиты (в одном случае полностью, в другом – отбита одна из голов барана). Кстати, у алтарной полставки с цитадели также была отбита одна голова. Можно также предположить, что нарушенные фигурки считались утратившими свои сакральные свойства, и поэтому не имело смысла брать их с собой.

Таким образом, анализ конструкции очагов жилого комплекса X в. городища Джанкент позволяет сделать вывод о том, что они служили не только для отопления жилища, но и могли быть домашними алтарями. Изучение их дает новую информацию для понимания как бытового, так и религиозного аспекта жизни населения раннесредневекового Хорезма, а также позволяет выдвинуть ряд гипотез, которые требуют дальнейшей проверки. Остается только сожалеть, что раскопки этого интереснейшего объекта по непонятным причинам прекращены.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н. Археологические работы на цитадели Древнего Жанкента //Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2008. – С. 217-223.
- Ахатов Г.А., Смагулов Т.Н. Археологические исследования городища Жанкент //Археологиялық зерттеулер жайлы есеп. – Алматы, 2009. – С. 212-215.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.
- Банзаров Д. Собрание сочинений. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 374 с.
- Болев С.Б. Керамические курительницы из склепов могильников Алтынаасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. – Вып.2. – Джетыасарская культура. – Ч.1. – Склепы. – М., 1993. – С. 199-224.
- Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. нашей эры. – М.: Наука, 1982. – 200 с.
- Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и Средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1986. – С. 50-57.
- Васильева Г.П. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX – начале XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982.– С. 193-210.
- Вишневская О.А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом хорезмийском городе // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 105-112.
- Воронина В.Л. Изучение архитектуры Древнего Пянджикента // МИА. – № 15. – М.-Л., 1950. – С. 210-220.
- Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ. – 1963. – № 6. – С. 81-83.
- Григорьев Г.В. Каунчигела (раскопки 1935 г.). – Ташкент: УзФан, 1940. – 64 с.
- Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Вып. VI. – Л., 1927. – С. 28-33.
- Жуковская Н. Л. Категории и символы традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 196 с.
- Зилибинская Э.Д., Биялов С.У., Сыдыкова Ж.Т. Раскопки жилого квартала на городище Джанкент //Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П.Костюкова. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2011. – С. 27-39.
- Зилибинская Э.Д. Исследования жилого комплекса в северо-восточной части городища Жанкент // Материалы Международной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института А.Х.Маргулана. 12-15 декабря 2011. – Т. 3. – Алматы, 2011. – С. 109-117.
- Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III –VI вв. – Ташкент: Фан, 1981. – 128 с.
- Карпини Дж. дель Плано. История монголов // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. – М.: Мысль, 1997. – С. 30-87.
- Левина Л.М. Джетыасарские склепы //Низовья Сырдарьи в древности. – Вып.2. Джетыасарская культура. – Ч.1. – Склепы. – М.,1993. С. 33-199.
- Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // ТХАЭЭ. – Т. VII. – М.: Наука, 1971. – 252 с.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. – М.: Восточная литература, 1996. – 396 с.
- Нильсен В.А. Кызыл-кыр // ИМКУ, вып.1.– Ташкент, 1959. – С. 60-79.
- Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. – 69-111.
- Пугаченкова Г.А. Очажные подставки из Булакбаши (к идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандинского Согда // ОНУ, 1986. – № 5. – С. 34-37.
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939. – 194 с.
- Сагалаев А.М. Традиционное мировоззрение торков Южной Сибири. Человек. Общество – Новосибирск : Наука, 1989. – 245 с.
- Смагулов Е.А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отарского оазиса //Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1992. – С. 34-43

Смагулов Е.А. «Шапшынчицы» Алтынтобе //Известия МОН РК НАН РК. – Сер. Общественных наук. – №1. – 2004. – С. 93–111.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы, 2011. – 434 с.

Резюме

Э.Д.Зилибинская

Жанкент қаласындағы тұргын үй кешеніндегі ошақтар

Мақалада Жанкент қаласының солтүстік-шығыс бөлігіндегі тұргын үй кешенінде біріндегі ошақтар қарастырылады. Барлық ошақтар тікбұрышты алаңқайлы, жиегінде аласа өңірлігі бар және бөлменің ортасында еденге орналасқан болып келеді. Ошақ алаңы екі бірдей аймаққа бөлінген. Бөлменің сыртқы қабыргасына жақын аймағында қой протомалы керамикалық ошақ тұғырлары тольық жанасатын қам кірішті тіреуіш бар. Оның алдындағы ошақтың түбіне ыдыс қазылып орналастырылған. Екінші съипа жағындағы ошақтың аймағы бос әрі ешқандай құрылымды құрамайды. Ошақ тұғырлары әдебиеттерде «шапшынчиц» деген атау алған бұл әртүрлі ескерткіштерде кездескенімен ол Жанкенттен бірінші рет кездесіп отыр. Ошаққа бұл заттардың орналасу құрылымына қарап оларды күлттік деп сенімді айтуда болады. Жанкент қаласындағы X ғ. жататын тұргын үй кешеніндегі осы ошақтарды талдау барысы олар тек үзді жылдықтың қана қоймай, үй алтары ретінде қызмет атқарған деген қорытынды жасауга мүмкіндік береді.

Summary

Emma Zilivinskaya

Hearths of a dwelling complex on the site of Jankent

The paper deals with hearths of a dwelling complex in the north-eastern part of the settlement of Jankent. All the hearths are rectangular areal at the centre of a room's floor enclosed with low borders. The area is divided into two approximately equal zones. In that situated nearer to the outer wall there is a stand of mud-bricks adjoining a ceramic hearth stand with ram protomes. In front of the latter a vessel is dug in the bottom of the hearth. The second zone situated nearer to the *sufa* is empty and devoid of any structures. Hearthstands have been recovered from many sites yet only at Jankent they have been encountered *in situ*. Their design and position in the hearth enable us to regard them as cult objects. The analysis of the hearth pattern of a tenth-century dwelling complex at the habitation site of Jankent allow the conclusion that they were not mere heating structures but also home altars.

Список сокращений

АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических республик
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана
ОНУ	Общественные науки в Узбекистане
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МОН РК	Министерство науки и образования Республики Казахстан
НАН РК	Национальная Академия наук Республики Казахстан
СЭ	Советская этнография
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции